

О некоторых «волжских» заимствованиях в венгерском языке

В венгерском языке есть ряд заимствованных слов, которые обнаруживаются также в языках Волжско-Уральского региона, особенно часто — в чувашском и пермских языках. Традиционно подобные лексемы считаются древнебулгарскими заимствованиями. Уже отмечалось, например, что в удмуртском языке встречаются те же слова болгарского происхождения, что и в венгерском [см.: Кельмаков, 1993].

Данное исследование посвящено тем лексемам, которые известны только в языках Волжско-Уральского региона и в венгерском. В эту группу, например, входят слова со значениями ‘дергач’ (чув. *карйи*, мар. *карш*, морд. *керси*, манс. *харс*, венг. *haris*), ‘свинья’ (чув. *сысна*, венг. *disznó*), ‘серп’ (чув. *супла*, венг. *sarló*) и др. Как считается, эти слова, болгарские по происхождению, попали некогда как в венгерский, так и в древнепермский языки (из тюркских языков они засвидетельствованы только в чувашском [см.: Егоров, 1971, 15]).

Оценивая эту точку зрения, необходимо обратить внимание на то, что почти все интересующие нас лексемы связаны со сферами земледелия и животноводства. Это выглядит несколько парадоксально, поскольку народы (по крайней мере, их часть), якобы заимствовавшие эти слова, были издавна знакомы с сельскохозяйственными традициями — в отличие от болгар, которые были кочевниками и в языке которых вряд ли могла самостоятельно развиться терминология, связанная с земледелием и животноводством.

Отметим, что в удмуртском языке, как и в венгерском, многие сельскохозяйственные термины, например названия овощей, считаются болгарскими по происхождению; в этом языке немало также «булгарской» социально-политической лексики, хотя, с другой стороны, нет терминов, связанных с торговлей и военным делом [см.: Напольских, 2006; Rédei, 1964]. По мнению В. Г. Егорова, все эти слова являются скорее «волжскими» («ареальными»), чем «булгарскими» («этническими»);

возможно, они вовсе не являются тюркскими, и их происхождение неизвестно [см.: Егоров, 1964, 129].

Предположение В. Г. Егорова может быть принято, поскольку в Приволжье, по данным археологии, земледелие было известно еще до прихода булгар благодаря носителям именьковской археологической культуры. Более того, установлено, что булгары унаследовали технологии и традиции сельского хозяйства как раз от «именьковцев» [см.: Фахрутдинов, 1975, 34].

Таким образом, история Волжско-Уральского региона выглядит несколько иначе, чем это представлялось ранее: в ней больше «ареальности» и меньше «этничности». Вышеназванные слова свидетельствуют о «волжско-уральском» характере культуры древних мадьяр.

Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.

Егоров В. Г. Современный литературный чувашский язык. Чебоксары, 1971.

Кельмаков В. К. Удмуртский язык // Языки мира. Уральские языки. М., 1993. С. 239–255.

Напольских В. В. Булгарская эпоха в истории финно-угорских народов Поволжья и Предуралья // История татар с древнейших времен : в 7 т. Т. 2 : Великая Булгария и Великая Степь. Казань, 2006. С. 100–115.

Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975.

Rédei Károly. Vannak-e az előmagyar-permi érintkezésnek nyelvi nyomai? // Nyelvtudományi Közlemények. 1964. № 66. O. 253–261.